

Вера Александровна Нащокина, жена близкого друга Пушкина

Я видела много его портретов, но с грустью должна сознаться, что ни один из них не передал и сотой доли духовной красоты его облика — особенно его удивительных глаз.

Михаил Петрович Погодин, писатель, публицист, историк

это был среднего роста, почти низенький человечек, с длинными, несколько курчавыми по концам волосами, без всяких притязаний, с живыми быстрыми глазами, вертлявый, с порывистыми ужимками, с приятным голосом.

Алексей Степанович Хомяков, поэт, художник, славянофил

Когда Пушкин хохотал, звук его голоса производил столь же чарующее действие, как и его стихи.

Михаил Николаевич Макаров, фольклорист, писатель и лексикограф

Молодой Пушкин, как в эти дни мне казалось, был скромный ребенок; он очень понимал себя; но никогда не вмешивался в дела больших и почти вечно сиживал как-то в уголочке... и если там или сям, то есть у того или другого, вырывалось что-нибудь превыспренне-пиитическое, забавное для отрока, будущего поэта, он не воздерживался от улыбки. Видно, что и тут уж он очень хорошо знал цену поэзии. Однажды точно, при подобном же случае, когда один поэт-моряк провозглашал торжественно свои стихи и где как-то пришлось:

И этот кортик,
и этот чертик! —

Александр Сергеевич так громко захохотал, что Надежда Осиповна, мать поэта Пушкина, подала ему знак — и Александр Сергеевич нас оставил. ... а живший у Бутурлиных ученый-француз Жиле дружески пожал Пушкину руку и, оборотясь ко мне, сказал: «Чудное дитя! как он рано все начал понимать! Дай Бог, чтобы этот ребенок жил и жил; вы увидите, что из него будет». Жиле хорошо разгадал будущее Пушкина; но его «дай Бог» не дало большой жизни Александру Сергеевичу.

Ива́н Петро́вич Липра́нди, участник Отечественной войны 1812 года, знакомый

Я знал Александра Сергеевича вспыльчивым, иногда до иступления; но в минуту опасности, словом, когда он становился лицом к лицу со смертью, когда человек обнаруживает себя вполне, Пушкин обладал в высшей степени невозмутительностью, при полном сознании своей запальчивости, виновности, но не выражал её. Когда дело дошло до барьера, к нему он являлся холодным как лёд.

Влади́мир Ива́нович Даль, русский писатель, этнограф и лексикограф, собиратель фольклора

Пушкин, я думаю, был иногда и в некоторых отношениях суеверен; он говаривал о приметах, которые никогда его не обманывали, и, угадывая глубоким чувством какую-то таинственную, непостижимую для ума связь между разнородными предметами и явлениями, в коих, по-видимому, нет ничего общего, уважал тысячелетнее предание народа, доискивался в нем смысле, будучи убежден, что смысл в нем есть и быть должен, если не всегда легко его разгадать.

Александра Осиповна Смирнова, фрейлина, друг Пушкина, Жуковского, Вяземского

Никого не знала я умнее Пушкина. Ни Жуковский, ни князь Вяземский спорить с ним не могли – бывало, забудет их совершенно. Вяземский, которому очень не хотелось, чтоб Пушкин был его умнее, надуется и уж молчит, а Жуковский смеется: «Ты, брат Пушкин, черт тебя знает, какой ты – ведь вот и чувствую, что вздор говоришь, а переспорить тебя не умею, так ты нас обоих в дураки и записываешь».

Пушкина кабинет был наверху, и он тотчас нас зазывал к себе. Кабинет поэта был в порядке. На большом круглом столе, перед диваном, находились бумаги и тетради, часто несшитые, простая чернильница и перья; на столике графин с водой, лед и банка с кружовниковым вареньем, его любимым (он привык в Кишиневе к дульцецам {сладкое блюдо из варенья}). Волоса его обыкновенно еще были мокры после утренней ванны и вились на висках; книги лежали на полу и на всех полках. В этой простой комнате, без гардин, была невыносимая жара, но он это любил, сидел в сюртуке, без галстука. Тут он писал, ходил по комнате, пил воду, болтал с нами, выходил на балкон и привирал всякую чепуху насчет своей соседки графини Ламберт. Иногда читал нам отрывки своих сказок и очень серьезно спрашивал нашего мнения.

Пётр Александрович Плетнёв, критик, поэт, ректор Императорского Санкт-Петербургского университета

Летнее купание было в числе самых любимых его привычек, от чего не отставал он до глубокой осени, освежая тем физические силы, изнуряемые пристрастием к ходьбе.

Екатерина Евграфовна Смирнова, друг А. С. Пушкина

Вставал он по утрам часов в 9—10 и прямо в спальне пил кофе, потом выходил в общие комнаты, иногда с книгой в руках, хотя ни разу не читал стихов. После он обыкновенно или отправлялся к соседним помещикам, или, если оставался дома, играл с Павлом Ивановичем в шахматы. Павла Ивановича он за это время сам и выучил играть в шахматы, раньше он не умел, но только очень скоро тот стал его обыгрывать. Александр Сергеевич сильно горячился при этом. Однажды он даже вскочил на стул и закричал: «Ну разве можно так обыгрывать учителя?» А Павел Иванович начнет играть снова, да опять с первых же ходов и обыгрывает его. «Никогда не буду играть с вами... это ни на что не похоже...» — загорячится обыкновенно при этом Пушкин. Много играл Пушкин также и в вист. По вечерам часто угощали Александра Сергеевича клюквой, которую он особенно любил. Клюкву с сахаром обыкновенно ставили ему на блюдечке.

Лев Сергеевич Пушкин, младший брат А. С. Пушкина

на восьмом году возраста, умея уже читать и писать, он сочинял на французском языке маленькие комедии и эпиграммы на своих учителей. Вообще воспитание его мало заключало в себе русского: он слышал один французский язык; гувернер его был француз, впрочем, человек неглупый и образованный; библиотека его отца состояла из одних французских сочинений. Ребенок проводил бессонные ночи и тайком в кабинете отца пожирал книги одну за другой. Пушкин был одарен памятью необыкновенной и на одиннадцатом году уже знал наизусть всю французскую литературу.

Николай Васильевич Гоголь

«Никакой вести хуже нельзя было получить из России... Несколько раз принимался я за перо – и перо падало из рук моих. Невыразимая тоска».

Дарья Фёдоровна Фикельмон, внучка фельдмаршала Кутузова, муза

Невозможно быть более некрасивым – это смесь наружности обезьяны и тигра; он происходит от африканских предков и сохранил еще некоторую черноту в глазах и что-то дикое во взгляде. Когда он говорит, забываешь о том, чего ему недостает, чтобы быть красивым...

Анна Алексеевна Оленина, дочь президента Петербургской Академии, муза

Лицо его было выразительно, но некоторая злоба и насмешливость затмевали тот ум, который виден был в голубых или, лучше сказать, стеклянных глазах его. Арапский профиль, заимствованный от поколения матери, не украшал лица его. Да и прибавьте к тому ужасные бакенбарды, растрепанные волосы, ногти как когти, маленький рост.

Иван Иванович Пущин, декабрист, коллежский асессор, друг и однокурсник

Пушкин с самого начала был раздражительнее многих и потому не возбуждал общей симпатии: это удел эксцентрического существа среди людей. Не то чтобы он играл какую-нибудь роль между нами или поражал какими-нибудь особенными странностями, как это было в иных; но иногда неуместными шутками, неловкими колкостями сам ставил себя в затруднительное положение, не умея потом из него выйти. В нём была смесь излишней смелости с застенчивостью, и то и другое невпопад, что тем самым ему вредило. Бывало, вместе промахнемся, сам вывернешься, а он никак не сумеет этого уладить. Главное, ему доставало того, что называется тактом.

Денис Васильевич Давыдов, поэт, герой войны 1812 года (из письма)

Помилуй, что у тебя за дьявольская память, я когда-то на лету рассказывал тебе разговор мой с Нарышкиной... ты слово в слово поставил это эпиграфом в одном из отделений «Пиковой дамы». Вообрази моё удивление и ещё более восхищение жить так долго в памяти Пушкина... у меня сердце облилось радостью
Эх, эх, недолго будут тыкать друг другу друзья, ибо через год в дом на Пречистенке ворвется с мороза ошалелый Баратынский и крикнет: «Пушкина нет боле!..» Денис на месяц свалится в постель: удушье, боли в груди.

Фёдор Михайлович Достоевский, писатель

Если бы жил он дольше, может быть явил бы бессмертные и великие образы души русской, уже понятные нашим европейским братьям, привлек бы их к нам гораздо более и ближе, чем теперь, может быть, успел бы им разъяснить всю правду стремлений наших, и они уже более понимали бы нас, чем теперь, стали бы нас предугадывать, перестали бы на нас смотреть столь недоверчиво и высокомерно, как теперь ещё смотрят. Жил бы Пушкин долее, так и между нами было бы, может быть, менее недоразумений и споров, чем видим теперь. Но бог судил иначе. Пушкин умер в полном развитии своих сил и бесспорно унес с собой в гроб некоторую великую тайну. И вот мы теперь без него эту тайну разгадываем». (Из речи «Пушкин». 1880.)

6 июня Пушкину исполнилось 223 года. В общих чертах биографию поэта знает, наверное, большинство жителей России: Арина Родионовна, Царскосельский лицей, ссылка, Михайловское, Наталья Гончарова, дуэль, смерть в 37 лет. Мы расскажем некоторые факты о Пушкине, которые вряд ли можно встретить в школьной программе.

Летом 1823 года Пушкина перевели в Одессу, где он должен был продолжить службу (ссылку) в канцелярии генерал-губернатора Новороссийского края графа Михаила Воронцова. Граф считался либералом и чуть ли не поборником свободомыслия. На него постоянно следовали доносы в столицу. Чтобы оправдаться, Воронцов решил избавиться от Пушкина.

Не добившись ответа из Петербурга, он весной 1824 года отправил поэта в города Херсон и Елисаветград для сбора сведений о саранче. Пушкин должен был подготовить доклад о её передвижении, о количестве и мерах, которые принимаются по её уничтожению.

Почему нельзя писать рапорт в стихах?

«Саранча:

23 мая – Летела, летела;

24 мая – И села;

25 мая – Сидела, сидела;

26 мая – Всё съела;

27 мая – И вновь улетела.

Коллежский секретарь Александр Пушкин».

Владимир Маяковский, поэт Серебряного века

«Пушкин был понятен целиком только своему классу, тому обществу, языком которого он говорил, тому обществу, понятиями и эмоциями которого он оперировал. Это были пятьдесят – сто тысяч романтических воздыхателей, свободолюбивых гвардейцев, учителей гимназий, барышень из особняков, поэтов и критиков и т.д., то есть те, кто составлял читательскую массу того времени... Завтрашняя всепонятность Пушкина будет венцом столетнего долбления и зубрежки. Слова о сегодняшней всепонятности Пушкина – это полемический прием, направленный против нас, это, к сожалению, комплимент не нужный ни Пушкину, ни нам. Это бессмысленные слова какой-то своеобразной пушкинской молитвы». (Из статьи «Вас не понимают рабочие и крестьяне». 1928.)

Юбилейное

Я даже

ямбом подсюсюкнул,

чтоб только

быть

приятней вам.

Андрей Белый, поэт Серебряного века

Все мы с детства обязаны хвалить Пушкина. Холодны эти похвалы. Они не гарантируют нас от позднейших увлечений музой Надсона или ловкой музой графа А. Толстого. Пушкин самый трудный поэт для понимания; в то же время он внешне доступен. Легко скользить на поверхности его поэзии и думать, что понимаешь Пушкина. Легко скользить и пролететь в пустоту.

Пушкин

«Вдохновение нужно в геометрии не меньше, чем в поэзии»

А какой глубокий математический смысл имеют другие крылатые фразы Пушкина «Поверил я алгеброй гармонию», «Мы почитаем всех нулями, а единицами себя»?

И днем и ночью кот ученый
Все ходит по цепи кругом.

Пересмотрел все очень строго:
Противоречий очень много,
Но их исправить не хочу.

И останутся на бреге
Тридцать три богатыря,....
Все равны, как на подбор;
Старый дядька Черномор
С ними из моря выходит
И попарно их выводит,

чем ниже успеваемость воспитанника, тем дальше от кафедры он должен был садиться. И вот тогда летом 31-го года один самый смелый воспитанник спросил поэта - за что учитель математики отправил его за самую последнюю парту? ! - Я не мог 33 разделить на 2! - улыбнулся поэт». В это время, летом 31-го, Пушкин завершал работу над «Сказкой о Царе Салтане». Возможно, поэт вновь вспомнил пору своего ученичества, вспомнил и эпизод с делением, всего-то навсего - одно число разделить на другое. Но это деление у юного Александра никак не получалось. Возможно, эту историю о том неудавшемся делении и зашифровал поэт в сказке о тридцати трех богатырях, выходящих из моря парами!...

В «Сценах из рыцарских времён» (1835 год) один из героев мечтает об изобретении вечного двигателя:

Бертольд. Займусь ещё одним исследованием: мне кажется, есть средство открыть *perpetuum mobile*.

Мартын. Что такое *perpetuum mobile*?

Бертольд. *Perpetuum mobile*, то есть вечное движение. Если найду вечное движение, то я не вижу границ творчеству человеческому... Видишь ли, добрый мой Мартын: делать золото задача заманчивая, открытие, может быть, любопытное, но найти *perpetuum mobile*... о!..»

Бертольд. Нет, право. Последний мой опыт не удался от безделицы — теперь уж я всё расчислил; опыт мой не может не удался.

Мартын. Эх, отец Бертольд! Коли бы ты не побросал в алхимический огонь всех денег, которые прошли через твои руки, то был бы богат. Ты сулишь мне сокровища, а сам приходишь ко мне за милостыней. Какой тут смысл?

Бертольд. Золота мне не нужно, я ищу одной истины.